

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЛОНЕВ Андрей Леонидович

**КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ
П.БУРДЬЕ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ**

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор,
Резаев Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Колесников Анатолий Сергеевич
кандидат социологических наук, доцент
Мулява Олег Дмитриевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургская государственная
полярная академия

Защита состоится «19» сентября 2006 г. в 16 час. на заседании Диссертационного совета Д 212.232.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3 9-й подъезд, факультет социологии, ауд. 201.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 7/9)

Автореферат разослан «8» августа 2006 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор социологических наук, профессор

Д.В. Иванов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Пьер Бурдьё (1930 – 2002) является исключительно важной фигурой в современной теоретической социологии. Многие важные понятия, которые давно и прочно вошли в обиходный лексикон теоретической социологии – **габитус, капитал, социальное поле** – ввел в него именно Бурдьё. Интересно при этом, что эти понятия не были изобретены им. Понятие капитала было введено еще Марксом, учение которого оказало на Бурдьё довольно сильное влияние, заметное даже в поздних работах этого французского социолога, когда он уже работал в своей собственной, особой социологической парадигме. Фоме Аквинскому принадлежит авторство термина «габитус», который затем был переосмыслен Э. Гуссерлем, давшем ему существенно иное толкование. В гуссерлевском варианте феноменологии габитус интерпретируется как учреждаемая самим Я инстанция, при помощи которой конституируется самоидентичность этого Я¹. То же самое можно сказать и о понятии социального поля, которое было введено в социологический лексикон задолго до Бурдьё.

Но важно здесь то, что Бурдьё сумел кардинально переосмыслить эти понятия, дать им принципиально новое толкование и таким образом подчеркнуть те особенности социальных процессов, которые могли бы остаться скрытыми от социологического дискурса, если бы не были по-новому отражены в старых концептуальных структурах.

Принципиально важным представляется компаративистское исследование теоретических положений концепции Бурдьё, сопоставление ее с другими моделями общества, выдвигавшимися другими социологами и философами.² Наиболее полного понимания его концепции можно достигнуть, только рассматривая ее в сложном и гетерогенном контексте социально-гуманитарных наук, с которым она была связана многообразными отношениями – заимствования, критики и т.д. Сравнение концепции Бурдьё с концепциями других социологов помогает выделить те ее особенности, которые вне компаративистского контекста могли бы остаться незамеченными.

¹ См.: Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001, с. 146 – 148.

² Философские аспекты социологии представляются здесь важными, ибо сам Бурдьё был по образованию философом и лишь позднее пришел к социологии, рассматривая социальные проблемы не только как социолог, но и как философ. По этой же причине философские учения, выдвигавшиеся его современниками, представляли для него большую важность, чем для других социологов, менее связанных с философией.

Из всего множества социологов – современников Пьера Бурдьё мы выбрали теории Н. Лумана, Э. Гидденса и Ю. Хабермаса. Критерием отбора послужила способность их теорий к диалогу с концепцией Бурдьё. Эти теории могут быть представлены как не просто описывающие одну и ту же социальную реальность, но и как участвующие в диалоге друг с другом, как корректирующие и дополняющие друг друга, что не может быть адекватно описано и объяснено в одной теории успешно описывается и объясняется в другой. Из этих теорий та, что была выдвинута Э. Гидденсом, интересна для нас своим понятием *структуриации*. Концепция Н. Лумана представляет интерес в связи с тем, что в ней делается попытка связать социологию с теорией систем и кибернетикой. Это дает возможность как бы «оттенить» некоторые важные аспекты концепции Бурдьё и показать специфику ее как теории, ориентирующейся, как это будет показано ниже, на понимание общества как системы практик, а не коммуникативной системы, каковой видел ее Луман. Теория же Хабермаса важна для нас тем, что в ней, в отличие от концепции Бурдьё, общество представлено как множество индивидов, изначально не связанных какой-либо жесткой организационной структурой и формирующих ее в процессе свободной коммуникации, а не осуществления легитимного насилия, как у Бурдьё.

При этом наибольший интерес представляет та часть концепции Бурдьё, которая касается проблем структуры общества. Действительно, структуриация социальной реальности представляет собой сложный и многофакторный процесс, который зависит от множества обстоятельств, однако это их многообразие не лишено внутренней логики и организации, которую и следует выделить для того, чтобы более глубоко и полно понять особенности формирования социального мира и функционирования составляющих его элементов. Сравнительное изучение способов организации различных типов обществ, проводимое как социологами, так и этнологами, культурологами и политологами, способно дать богатую информацию о природе общества как такового. Ибо помогает, в частности, выделить и вербализовать в рамках некоторой концептуальной парадигмы в социологии особенности процессов структуриации социума и их результатов – определенной структуры общества, его стратификации, основывающейся на критериях, выделение и формализация которых также входит в сферу компетенции социологии. Все это делает необходимым рассмотрение концепций как самого Пьера Бурдьё, так и других названных нами социологов прежде всего через призму понимания ими феномена социальной структуры, включающего в себя, помимо собственно

организации общества, также формы и стратегии его структуризации; иными словами, структура общества должна исследоваться здесь как в статическом, так и в динамическом аспектах.

Таким образом, интерпретация Пьером Бурдьё феномена социальной структуры должна быть «интерпретацией в диалоге»: основные тезисы и положения его теории должны пониматься как ответы или реакции на суждения о социальной структуре, высказанные другими социологами и философами. Социологические концепции, описывающие и объясняющие устройство общества, являются по сути своей ответами на другие концепции (или хотя бы отрывочные, не укладывающиеся четко ни в одну концептуальную схему суждения). Так и саму социальную структуру во всей ее фактичности и специфике можно понимать как ответ, с одной стороны, на объективные обстоятельства, в которых приходится существовать тому или иному обществу, а с другой – на те теоретические схемы, которые призваны описать и объяснить существование именно такой, а не какой-либо иной социальной структуры.

Степень разработанности темы. К сожалению, эта тема, невзирая на ее значительную важность для развития отечественной теоретической социологии, остается почти не исследованной. Специально занимается изучением теоретического наследия Бурдьё только Н. А. Шматко, которая посвятила множество статей этому социологу (см. Библиографию), однако среди ее трудов нет ни одного, который был бы посвящен специально компаративистскому исследованию представлений Бурдьё о сущности и генезисе социальной структуры. Также близки к воззрениям Бурдьё те концептуальные методы, которыми пользуется Ю. Л. Качанов, который, однако, в этом смысле является хотя и *последователем* Бурдьё, но не его *исследователем*.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в западной социологии. У Бурдьё нет недостатка в учениках и последователях. Это Ж.-К. Пассерон, Ж.-К. Шамборедон, Р. Ленуар, Л. Пэнто, Д. Мерлье, П. Шампань и др. Что же касается собственно исследовательской литературы, то ее значительно меньше. Впрочем, можно отметить здесь статьи, помещенные в сборнике «Социоанализ Пьера Бурдьё». Так, например, Ж. Бувресс пытается связать концепцию Бурдьё с теми проблемами, которые были подняты Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях» – в частности, с проблемой следования правилу, которая является одной из центральных в контексте философии позднего Витгенштейна. Он пытается проследить связи понятия правила в традиции лингвистической философии, которой положил начало Витгенштейн, и понятия

габитуса, реинтерпретированного Пьером Бурдьё применительно к нуждам и требованиям социологии и понятого им как своего рода «антропологический стандарт». Л. Вакан пытается показать связи концепции Бурдьё с социологической теорией Дюркгейма.

Однако в целом можно сказать, что теория Бурдьё – и в том числе его учение о структуре социума – по-прежнему представляет собой практически нетронутое исследовательское поле, требующее длительной, глубокой и серьезной проработки.

Цели и задачи. Целью данного диссертационного исследования является изучение представлений П. Бурдьё о социальной структуре в их связи с аналогичными аспектами учений других социологов.

В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть, введенное Бурдьё в социологию понятие габитуса как отправную точку его учения о структуре общества;
- 2) исследовать понимание им концепта социального поля как явления, связанного с габитусом и представляющего собой элемент социальной структуры;
- 3) изучить понятие капитала как структурообразующей социальной инстанции;
- 4) рассмотреть концепцию социальной структуры Бурдьё в ее связи с аналогичными концепциями других современных социологов, в первую очередь Ю. Хабермаса, Н. Лумана и Э. Гидденса.

Методология исследования. В качестве базовых методов в диссертации используется: 1) **исторический метод**, базирующийся на принципе историзма и предполагающий рассмотрение любого явления (в том числе и социальной структуры) с учетом того исторического – социального, экономического, политического, идейного – контекста, в котором оно возникло и развивалось; 2) **компаративный метод**, состоящий в сравнении различных решений, предлагавшихся разными социологами для одной и той же проблемы, и анализе причин таких различий; 3) **метод дескриптивного эксплицирования**, предполагающий анализ базовых теоретических текстов П. Бурдьё и других социологов. Выявление на его основе фундаментальных для их воззрений теоретических понятий, касающихся структуры общества как социальной системы; 4) **системный метод**, предполагающий изучение теории социальной структуры как интегральной части теоретического наследия П. Бурдьё.

Научная новизна исследования. В диссертации, впервые в отечественной науке, исследованы представления Бурдьё о социальной

структуре, механизмах ее формирования и функционирования. Изучены связи центральных для концепции Бурдьё понятий – **габитус, капитал, социальное поле** – с феноменом неравенства, образующим фундамент социальной структуры и процессов организации общества. Показана связь теории социальной структуры Бурдьё с аналогичными концепциями ведущих социологов современности.

Основные положения, обладающие научной новизной и выносимые на защиту, состоят в следующем:

- Понятие габитуса представляет собой концепт, в котором отражен один из главных структурообразующих факторов социальной системы. Габитус как система поведенческих диспозиций, обусловленных усвоенными социальным агентом в процессе взаимодействия с обществом социальными практиками, детерминирует формы и способы социальных коммуникаций данного индивидуального социального агента, а также и ту социальную среду, которую индивид стремится выбрать для реализации габитуальных структур своей личности. Габитус, таким образом, организует не только социальные практики индивидуальных агентов, но и саму социальную среду, так как стимулирует взаимодействие между агентами, имеющими сходные габитуальные структуры, и, наоборот, препятствует общению тех агентов, личности которых сформировались в различных социальных полях. Благодаря этому в обществе формируются социальные страты, границы которых представляют собой в сущности границы различных типов социальных практик, а значит, и различных габитусов.

- Социальное поле и габитус представляют собой коррелятивные понятия. Габитус формируется лишь в определенных условиях, то есть в определенном социальном поле, представляющем собой систему социальных практик, которые значительно отличаются от таковых в другом поле; собственно, именно значимые для данного общества и для принадлежащих к нему социальных агентов различия и образуют границы социальных полей. Само же социальное поле формируется благодаря относительному единству социальных практик, обусловленному сходством габитусов, которые проявляются в этих практиках. Таким образом, социальная стратификация представляет собой одновременно результат действия габитусов, которыми детерминировано поведение индивидуальных социальных агентов, и инстанцию, благодаря которой поддерживается различие габитусов и социальных практик.

- Капитал, понимаемый как вся совокупность средств, дающих индивидуальному агенту возможность воздействовать на социальную среду,

наряду с габитусом является структурообразующим фактором социальной системы. Ибо различие по общей массе капитала, которым обладают те или иные агенты и по его структуре, обуславливает место агентов в системе социальной стратификации. Следовательно, определяет в какие социальные поля будет включен тот или иной агент, какую роль он будет в них играть, какие социальные практики будут им интериоризированы и какой габитус сформируется в нем в результате этой интериоризации.

- Концепция Бурдьё – и, в частности, его воззрения на социальную структуру и на те закономерности, которые обуславливают ее существование и происходящие внутри нее процессы, – тесно связана с общей интеллектуальной средой его времени. Так, имеется много общих и существенных черт, которые объединяют концепцию социальной стратификации, выдвинутую Бурдьё с теорией социальной структуризации Э. Гидденса. Особая роль социальных практик в процессе формирования социальной структуры, зависимость структуры от социальных практик, принятых в данном обществе и определяющих собой его границы. Многое – например, понимание общества как системного целого и особая роль коммуникаций в построении и существовании социальных структур, роднит теорию Бурдьё с концепцией Н. Лумана. Наконец, идея единства габитуальных структур личности близка концепции социального консенсуса Ю. Хабермаса.

Научно-практическая значимость работы. Данное исследование способно стимулировать работу по изучению концептуальных связей в поле современной социологии, а также связей социологии с другими отраслями социально-гуманитарного знания (философия, психология, культурология, искусствоведение и т. д.). Его результаты могут быть использованы при разработке учебных курсов по теоретической социологии, истории социологии и т. д., при написании учебников и энциклопедических изданий.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях, выступлениях на научных и научно-практических конференциях. По теме диссертации были прочитаны доклады:

«Габитус и социальное неравенство в теории П. Бурдьё» на межвузовской конференции «Запад – Восток – Россия: философия в компаративистской перспективе (С.-Петербург, 2004); «Социальная структура и социум как система. Теории П. Бурдьё и Н. Лумана» на Всероссийской конференции «Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии» (С.-Петербург, 2005).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры сравнительной социологии, факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета и была рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение и Библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении рассматривается актуальность данного исследования, степень разработанности темы, формулируются цели и задачи, выявляется научная новизна работы, ее методология и практическая значимость, указываются результаты апробации основных положений.

Первая глава посвящена *связи понятий габитуса и социальных практик*. В ней рассматривается связь габитуса и социального неравенства (§ 1), нечеткой «логики практики» и феномена следования правилу, исследованного ранее Л. Витгенштейном (§ 2), соотношение внутренней структуры социального агента и формирующих его социальных практик (§ 3).

В главе показано, что невозможно понять сущность габитуса в теории Бурдьё, если рассматривать поведенческие установки в отрыве от тех культурных реалий, в которых они возникли и результатом адаптации к которым они являются. Человек как «политическое животное», по определению Аристотеля, не может не быть включенным в какие-либо социальные структуры, ибо именно они (и, можно сказать, *только* они) делают его человеком. Таким образом, бытие человеческое детерминировано социумом, который определяет, какими свойствами будет обладать та или иная личность. Собственно, об этом говорил еще Дж. Г. Мид, указывая на социальную по преимуществу (или, лучше сказать, социогенную) сущность человека и замечая, что не только социальные, но даже и физические объекты как именно *объекты*, данные человеческому сознанию, зависят от его поведения: «Наше поведение, движение и манипулирование [предметами] со всеми их стимулами и реакциями задают те рамки, внутри которых возникают объекты восприятия, так что это поведение ответственно за организацию нашего физического мира»³.

Очевидно, что габитус по этой причине является не просто системой поведенческих диспозиций, но и своего рода «светофильтром», через который преломляется окружающий нас физический мир. Так что человек

³ Mead J. H. The mechanism of social consciousness. –

http://spartan.ac.brocku.ca/~lward/Mead/pubs/Mead_1912a.html or 19.11.2004.

непроизвольно осмысляет в категориях социального порядка не только социальные и культурные феномены, но также и явления природы, и требуется определенное и часто весьма значительное усилие, чтобы научиться видеть мир без того, чтобы интерпретировать его в понятиях социальной структуры.

Итак, структура общества в своих существенных чертах зависит от того, каковы личностные особенности входящих в данное общество людей, а эти особенности, в свою очередь, определяются индивидуальной историей каждого из членов общества, состоящей, в сущности, из действий, направленных на адаптацию к разнообразным социальным и природным условиям. Любой индивидуальный габитус, следовательно, детерминирован экзистенциально – через посредство действий, решений, выборов в различных ситуациях, которые совершает на протяжении своей жизни индивид и которые в дальнейшем начинают играть роль факторов, обуславливающих действия индивида в новых, еще не встречавшихся ему ранее ситуациях.

Габитус является истинным *инструментом формирования* социальной структуры. Действительно, люди, обладающие различным социальным опытом, именно благодаря общности габитусов склонны вступать в коммуникацию скорее друг с другом, чем с теми, кто имеет иной опыт социальных взаимодействий, за счет чего и образуются социальные различия, служащие основой структуры общества.

Габитус же в теории Бурдьё – это сугубо индивидуальная структура, касающаяся главным образом личной, частной жизни индивида и лишь опосредованно затрагивающая социальное устройство в целом – ту его сферу, которая прямо связана с системой общественного производства, – то, тем не менее, оказывающая на нее ничуть не меньшее влияние, чем если бы эта связь была совершенно прямой и непосредственной.

С этой точки зрения такой феномен, как социальный конфликт, можно интерпретировать как конфликт габитусов, при котором происходит своеобразное «рассогласование игры», когда коммуницирующие субъекты играют по разным правилам и не выполняют, таким образом, ожидания партнеров по игре, касающиеся их поведения. Для того чтобы социальная игра была адаптивной, она должна быть согласованной: все ее участники должны следовать одной и той же системе правил с тем, чтобы их поведение могло быть максимально предсказуемым для других участников игры, и даже отступление от правил все же остается, как ни парадоксально, в рамках правил игры; говоря кратко, даже нарушать правила нужно по правилам. Можно предположить, что в практической логике социального действия, воплощенной

в индивидуальных габитусах, существует некоторая – естественно, как все в *le sens pratique*, достаточно аморфная и расплывчатая, – иерархия правил, содержащая в том числе и метазаконь, определяющие формирование правил игры и их трансформацию в процессе социальной коммуникации.

Габитус не только побуждает индивида как социального агента действовать определенным образом, но и заставляет его видеть социальный мир в соответствии со схемами, определяемыми жизненной траекторией данного индивида, которые, в свою очередь, детерминируют и возможное будущее данного индивида.

Таким образом, в теории Бурдьё социализация является тем отправным пунктом, из которого развивается личность не только как субстанция некоторых биологически заданных свойств, но и как социальный конструкт. Продукт работы всех тех индивидов, с которыми данная личность когда-либо и тем или иным образом общалась, что указывает не просто на социальную природу личности, но на ее коммуникативную сущность. Можно сказать, что понятие человека в его традиционном понимании здесь исчезает практически полностью, заменяясь системой социальных ролей и конструкций.

А далее, чтобы подчеркнуть природу социального актора как конструкта, Бурдьё вводит различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа). Если первый это единичность, наделенная бесконечным множеством свойств, то второй – ограниченный набор свойств, служащих в исследовании наблюдаемыми переменными и отвечающих требованиям используемого теоретического универсума. Эпистемический индивид не содержит ни одной характеристики, которую нельзя было бы концептуализировать (Шматко Н. А.).

В принципе, для Бурдьё, равно как и для Фуко, человек как субъект никогда не дан изначально как нечто онтологически целостное или, тем более, абсолютное, но лишь *задан* как нечто, что может возникнуть или не возникнуть, может иметь те или совершенно иные характерные черты и особенности. Эта принципиальная социальность индивида как личности обусловлена тем, что Фуко называет *дискурсом*, а Бурдьё – *полем*.

Во второй главе рассматривается понятие социального поля и его соотношение с понятием социальной структуры, причем выделяются социальные практики как конституирующие факторы социального поля (§ 1) и изучается проблема определения агентом своего места в социальном поле (§ 2).

Социальное поле, в которое входит агент и которое конституирует его в существенных его чертах, и является системой этих социальных условий и предпосылок. Очевидно, что индивиды, даже будучи членами одного и того же общества, имеют разную историю, зависящую от их «начальных координат». Сын английского лорда имеет больше шансов добиться жизненного успеха, то есть занять высокое место в социальной иерархии, чем сын погонщика ослов из афганского аула - даже, если их объективные *физические* возможности (рост, сила мышц, IQ, внешняя привлекательность т. д.) одинаковы. Стратификация общества определяется, прежде всего, тем, каковы *устойчивые* социальные общности, входящие в него в качестве компонентов, и для того, чтобы опознать эти общности среди множества неустойчивых социальных агрегаций, мы должны выделять их по целой системе признаков, общих всем членам данных общностей.⁴

Однако отношения между полем и практиками в действительности более сложны. С одной стороны, поле конституирует практики: для того, чтобы войти в поле и начать в нем эффективно действовать, стать в нем *агентом*, индивид должен принять набор определенных правил игры и, сообразуясь с ними, решать те задачи, которые перед ним здесь встают. Это значит, что он должен вырабатывать новые правила, новые возможные (допустимые в данном поле) способы достижения предписываемых полем целей и постановки новых целей, которые, должны соответствовать предписываемым полем нормам. От того, каково поле, каковы существующие в нем законы, какие отношения устанавливаются в нем между акторами, зависит то, как эти акторы будут вести себя в нем.

Поскольку поле представляет собой систему социальных отношений, определяемую позицией актора в ней, поэтому именно это понятие является наиболее важным, фундаментальным для понимания принципов социальной стратификации и социальной структуры в теории Бурдьё. Так как главное в теории стратификации – это исследование тех последствий, которые вытекают из положения индивида в структуре слоев и классов⁵, то понятие поля оказывается здесь исключительно важным прежде всего по той причине, что именно от позиции индивида в нем зависит его габитус, его индивидуальная система диспозиций, его личность как таковая и, как следствие, структура общества в целом.

⁴ Ильин В. И. Социальная стратификация. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1991, с. 16 – 17.

⁵ Sørensen A. B. Theory and methodology in social stratification // Himmelstrand U. (ed.) The sociology of structure and action. L. – New Delhi: SAGE Publications, 1986, p. 71.

Поля разделяются в теории Бурдьё по основанию, которое можно назвать культурно-прагматическим или *культурно-практическим*, то есть по практикам потребления и производства, формам поведения (одобряемого или осуждаемого), привилегированным или маргинально-жизненным стилям и т. п. – словом, по всей системе способов и стратегий производства и воспроизводства социального бытия.

Агенты, будучи осведомленными о том, каково их собственное место в той системе практик, которое называется полем, выбирают себе тот стиль жизни, который в пространстве возможных жизненных стилей аналогичен их социальной позиции, причем нельзя не заметить, что такое структурирование социальных пространств происходит далеко не однозначно: выбор стиля жизни обусловлен представлением актора о себе самом, и он выбирает из всех стилей тот, который кажется ему наиболее для него подходящим, но и сам этот стиль жизни детерминирует самописание актора. Можно сказать, что агент в известном смысле сам выбирает себе габитус. Конечно, выбор этот ограничен достаточно узкими рамками, но он, тем не менее, все-таки есть, и индивид может попытаться «научиться» формам поведения другого социального слоя.

В третьей главе исследуется понятие капитала как фактора структуриации общества. Здесь рассматривается взаимосвязь капитала, социального поля и габитуса как базиса структуры личности (§ 1), соотношение капитала и власти (§ 2) и выделяется один из типов капитала – культурный капитал – как фактор, связанный с феноменом власти и детерминирующий структуру общества (§ 3).

В этой главе исследуется важный пункт теории Бурдьё, имеющий прямое отношение к процессам, обуславливающим стратификацию общества, – к понятию *капитала*. «Продукты объективации социальных отношений, являющиеся условиями и предпосылками практик агентов, в традиции, восходящей к П. Бурдьё, называют „капиталами“. Капиталы играют роль структур доминирования: без них, как без необходимых ресурсов, не могут успешно осуществляться практики. Дискретные значения многомерных распределений капиталов называются позициями»⁶. Капитал, следовательно, представляет собой все то множество ресурсов самого разного рода, которые агент может задействовать в своей социальной практике с тем, чтобы более успешно добиваться своих целей, причем в понятие капитала входят не только капиталы экономические.

⁶ Качанов Ю. Л. О проблеме реальности в социологии // *Socio-Logos*'97, с. 74.

Через анализ природы различных благ, которые индивиды ставят на карту в борьбе за занятие определенной позиции в поле, П. Бурдьё пришел к выводу, что за всем богатством и разнообразием ставок скрываются три большие группы, три категории капиталов: экономический, культурный, социальный. *Экономический капитал* представляет собой ресурсы, имеющие экономическую природу, к которым, исходя из их роли всеобщего эквивалента любого товара, можно отнести деньги, помогающие занять преимущественное место в поле, а также и любой товар в широком понимании этого слова. Под *культурным капиталом* понимаются ресурсы, имеющие культурную природу. Важнейшими здесь являются образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался в наследство от его семьи и усвоен в процессе социализации. И, наконец, *социальный капитал* есть не что иное, как ресурсы, связанные с принадлежностью к группе: сеть связей, которыми нельзя воспользоваться иначе, как через посредство группы или через посредство людей, обладающих определенной властью и способных оказать „услугу за услугу“⁷.

Словом, под капиталом следует в теории Бурдьё понимать всякую социальную энергию, способную производить эффекты и способную быть использованной (сознательно или бессознательно) как инструмент в социальной конкуренции. Капиталом будет и прекрасная внешность женщины, и диплом об образовании, и любая собственность, которую индивиды используют в практической деятельности. В обществе, считает Бурдьё, происходит не классовая борьба за экономические интересы, а борьба за социальное пространство и блага, которыми оно располагает. «Борьба за блага осуществляется не на улицах и площадях, а в сфере культуры и социальных институтов»⁸, причем имеются в виду прежде всего сферы потребления (мода, вкусы, способы проведения досуга различными социальными группами) и того, что Ж. Бодрийяр вслед за Энзенбергером называет «индустрией сознания»⁹ (СМИ и образовательные структуры – школы, институты и т. п.).

Таким образом, социальное поле (любое – поле политики, поле науки, поле искусства и т.д.) далеко не однородно. В каждом поле есть доминирующие и доминируемые, и отношения между ними зависят от того, насколько редок и

⁷ Шматко Н. А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё, с. 392 – 393.

⁸ Шавель С. А., Рубанов А. В., Смирнова Р. А. Социальная стратификация, мобильность, идентификация. Минск: Институт социологии НАН РБ, 1998, с. 188 – 189.

⁹ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика, с. 194 – 195.

труднодоступен тот ресурс, который в данном поле выступает в роли капитала. Так, говоря о символическом капитале, Бурдьё замечает: «Ценность того или иного свойства, позволяющая ему функционировать как символический капитал, определяется, вопреки очевидности, не той или иной внутренней характеристикой данных практик или имуществ, но их *маргинальной ценностью*, которая зависит от их количества и закономерно имеет тенденцию к убыванию по мере их умножения и более широкого распространения».

Символический капитал Бурдьё определяет как «ансамбль дифференцирующих характеристик, которые существуют в и посредством их восприятия агентами, наделенными адекватными категориями восприятия, которые, в свою очередь, усваиваются в ходе нахождения в структуре распределения этого капитала»¹⁰. Отсюда видно, что символический капитал – равно как и любой другой капитал вообще – является таковым лишь постольку, поскольку его признают не только его обладатели, но и те, кто им обделен. Из этого вытекает важное следствие: капитал теряет всякую ценность (перестает быть капиталом), если его не признают. Капитал, как видим, в своих существенных свойствах зависит от принятых в данном поле правил игры.

Бурдьё оспаривает три тезиса, лежащие в основе всякой идеологии социологических опросов и анализа общественного мнения:

1) производство мнения доступно всем; 2) все мнения значимы и должны быть приняты во внимание; 3) «тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными».¹¹ Фундаментальный эффект опросов общественного мнения: утвердить мысль о существовании единодушного общественного мнения, т. е. легитимировать определенную политику и закрепить отношения сил, на которых она основана или которые делают ее возможной»¹².

Одним из механизмов, помогающих властвующим субъектам осуществлять такую манипуляцию, являются масс-медиа. Следовательно, основной способ властвования в политике, как и вообще в социальном поле, – это власть символическая: доминируемых акторов помещают в такую дискурсивную среду, в которой они оказываются вынуждены поверить в то, что

¹⁰ Маркова Ю. В. Бурдьё Пьер. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000 – 2001 годах // Социологическое обозрение, 2003, № 1, т. 3, с. 43.

¹¹ Бурдьё П. Общественное мнение не существует / Пер. с франц. Г. А. Чередниченко. – http://bourdieu.narod.ru/sp/PB_SP_opinion_publicque.htm от 12.06.2005.

¹² Там же.

являются доминируемыми справедливо и по праву. Доминирующие страны, согласно Бурдьё, являются доминирующими в значительной мере именно по той причине, что контролируют язык, то есть символическую систему.

Образовательные структуры, начиная с тех, которые осуществляют самую раннюю социализацию индивидов, несут ответственность за внедрение в сознание, а далее и в подсознательные слои психики информации, которая затем будет оказывать воздействие на все формы поведения данного социального актора, и воздействие тем более сильное и непреодолимое, чем менее оно осознается. Но часто образование полностью зависит от государства. Так как оно не только финансирует значительную часть образовательных институций, но и влияет на те из них, которые не столь сильно зависят от финансирования, посредством формулировки и внедрения образовательных стандартов, формирования способов оценки знаний, создания системы образовательных сертификатов разного рода (дипломы, ученые степени и звания и т. п.).

При помощи этих механизмов государство формирует не просто самосознание индивидов, которые ему подвластны, оно формирует их самоидентификацию, представление их как людей, принадлежащих к той или иной группе: нации, конфессии, какой-либо стране внутри общества (выделяемой по самым разным признакам – профессиональным, возрастным, гендерным и т. д.). Так оно формирует и их поведенческие диспозиции и выступает как высший источник мотиваций социальных акторов. Стандартное определение социальной идентичности гласит, что она представляет собой «идеальное отождествление индивидом себя с той или иной социальной общностью, сопровождающееся *интериоризацией идентифицирующего поведения*. Она отражает, как индивид воспринимает, характеризует и переживает самого себя в качестве своеобразного объекта – носителя (агента) общественных отношений; социальная идентичность – это значение, которое субъект присваивает себе, и которое приписывают ему другие. Социальная идентичность рациональна и рефлексивна по своей природе, она проявляется опосредованно и служит источником *мотивации*»¹³. Но идентичность – социальный конструкт и зависит не от «природы» или еще каких-либо внесоциальных факторов, а целиком и полностью определяется общественными отношениями, в которые данный агент включен. А также в силу того, что структура общества, согласно Бурдьё, детерминирована

¹³ Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе. Под ред. Н. А. Шматко. М.: Институт социологии РАН, 1992, с. 6. Курсив мой. – Авт.

соотношением капиталов различных типов, находящихся в собственности у разных агентов, самоидентификация индивида оказывается зависящей от того, каковы его собственные капиталы и в какую группу, очерченную по этому признаку, он входит.

Общество, согласно Бурдьё, представляет собой систему, которая структурирует сама себя, не нуждаясь ни в каком внешнем источнике структурирования. В каждую игру входят новые участники, принося с собой новые диспозиции, новые габитусы, к которым прежние участники вынуждены приспособляться, меняя тем самым и собственный габитус. Следовательно, личность не может рассматриваться как стабильная и неизменная целостность и представляет собой продукт социальных отношений, и это касается самой ее структуры, включая ее ядро – понятие Я. Аналогичные положения мы можем найти в философии Хайдеггера. Черта, роднящая габитус и Dasein, состоит в том, что социальный агент – носитель габитуса – способен, следуя системе своих диспозиций, самостоятельно проектировать свое будущее, выбирая себе наиболее предпочтительные поведенческие стратегии и социальную среду. Так и у Хайдеггера, «проект Entwurf», устремлен в будущее.

Четвертая глава посвящена компаративному анализу теории социальной структуры Бурдьё. В ней рассматриваются следующие темы: социальная структура и социум как система. Теории П. Бурдьё и Н. Лумана (§ 1), Структура и структурация: диалог с Э. Гидденсом (§ 2), Социальные практики в теории Бурдьё и коммуникативная рациональность у Ю. Хабермаса (§ 3).

Часть концепции Бурдьё, которая посвящена исследованию социальных структур, развивалась в сложном и богатом концептуальном окружении, которое не могло не оказывать воздействие на взгляды самого Бурдьё через те же самые социальные механизмы, – габитус, социальное поле (в данном случае – поле науки), капитал. Все это сделало возможным усвоение представлений Бурдьё другими социологами и вызвало необходимость для него самого усваивать какие-то элементы социологического дискурса, в который он оказался встроен. Благодаря этому мы можем видеть не только то особенное, что отличает его концепцию от других, но и то общее, что она имеет с теориями Гидденса, Парсонса, Лумана, Мида и других социологов. Это делает необходимым компаративистский анализ теории Бурдьё, направленный на изучение взаимовлияния теории и окружающей ее среды.

Обычно основной трудностью в компаративистском исследовании в любой гуманитарной науке является трудность, связанная с выделением общей проблематики, характерной для сопоставляемых теоретических систем. В

нашем случае, однако, эта трудность снимается, ибо общая проблематика — социальная структура, конституирующие ее процессы и закономерности, определяющие ее формирование и функционирование.

Первая из складывавшихся одновременно с концепцией Бурдьё теорий, была системная теория, выдвинутая Н. Луманом и отталкивающаяся главным образом от общей теории систем Людвига фон Берталанфи. Луман рассматривает социальную реальность с несколько иных, чем Бурдьё, позиций. Для него важно, что общество представляет собой *систему*, то есть некоторое связанное целое, имеющее четкие границы и существующее по своим собственным, внутренним законам, отличным от тех закономерностей, что определяют функционирование внешних относительно системы объектов, будь то другие общества, экономические условия или географическое.

Луман концентрирует внимание главным образом на тех социальных процессах, что имеют сознательный характер и предполагают осмысленное отношение социальных акторов к происходящим вокруг них процессам и совершаемым ими действиям, то есть рефлексии и саморефлексии. Общество, в представлении Лумана, оказывается способным осмысленно относиться к своему окружению (социальному и физическому), следовательно, может ставить себе цели и осознанно предпринимать шаги для их достижения. Иными словами, общество как система представляет собой, в общем, некоторый социальный организм, имеющий параметры, которые могут быть определены так же, как определяются и параметры любого другого организма.

«Самореференция означает, что система все время "ссылается на себя самое", т. е. на соотносительность элементов (операций) системы друг с другом Система — это то, что ограничено. Значит, то, что внутри, не тождественно тому, что вне системы. Отсюда только шаг, чтобы от самореференции (ссылок на себя самое) перейти к аутопоiesису (производству себя). Элемент потому и есть элемент, что это элемент-в-системе. Иными словами, в систему ничто не может проникнуть, не будучи преобразовано ею же так, что станет „системным“»¹⁴.

Таким образом, все то, что входит в социальную систему, согласно Луману, является продуктом самой этой системы. Нечто весьма сходное мы можем видеть и в концепции Бурдьё, где индивид в качестве социального агента конституируется той системой или тем полем, в которое он входит, и в котором он хотел бы удержаться как актер, равноправный со всеми прочими

¹⁴ Филиппов А. Ф. От структурного функционализма к неофункционализму. Социология Никласа Лумана // История теоретической социологии, с. 378.

акторами. То есть в обеих теориях элемент социальной структуры является продуктом самой структуры, которая, таким образом, оказывается самопорождающей, самовоспроизводящейся системой, которая сохраняет устойчивость, независимо от каких бы то ни было внешних относительно нее обстоятельств, ибо зависит в основном от тех процессов, что происходят внутри нее. Еще одна черта, делающая сходными теории Лумана и Бурдьё, – это признание ими особенной значимости различий, дифференциаций в процессе формирования и функционирования социальной системы различие, которое состоит главным образом в том, что у Бурдьё дифференциация и структуризация общества происходят бессознательно. Луман же концентрирует внимание больше на целом, чем на его частях, больше на социальной системе *in сопроге*, чем на отдельных социальных агентах.

Таким образом, социальная структура общества в концепции Лумана является продуктом самого же общества – не отдельных его элементов, а общества в целом как системы, ибо именно целое здесь выступает производящим началом по отношению ко всем своим компонентам. В теории Бурдьё мы видим иную картину. Здесь структура общества теснейшим образом связана с уровнем индивидуальной психики. Именно психики, а не сознания, так как *габитус* может успешно функционировать на бессознательном уровне, а сознание в этой ситуации оказывается инстанцией, только обслуживающей диспозиции *габитуса*, обеспечивая наиболее полное, точное и эффективное их выполнение, но не способной поставить вопрос о происхождении их и тем более противопоставить им какие-то другие диспозиции.

Сходная установка характерна также и для другого ученого – английского социолога Энтони Гидденса, в концепции которого социальные практики и социальный опыт тоже занимают далеко не последнее место. При этом Гидденс, подобно Бурдьё, не ограничивается только сугубо социологическими проблемами, выходя на более широкие горизонты социальных наук в целом, и предпочитает говорить о социальной теории, а не о социологической. Сходство и одновременно отличие концепции Гидденса от теории Бурдьё состоит в том, что, согласно первому, «все социальные науки в первую очередь должны изучать не индивидуальный опыт, не меняющиеся формы или стадии социального целого, а социальный опыт, упорядоченный и передаваемый во времени и пространстве. Научно общество удобнее всего представлять как связку или систему общепринятых практик (институтов или институционализированных форм поведения), на протяжении ряда лет

воспроизводящихся в узнаваемых чертах вместе с формами межчеловеческих отношений, верований, предрассудков и т. п.»¹⁵

В приведенной цитате обращает на себя внимание слово «практика». Действительно, у Гидденса, как и у Бурдьё, особую роль играют социальные практики, которые и обуславливают структуру общества и формы его функционирования. Однако есть и разница: у Бурдьё практики – это, прежде всего, *практики поведенческие*, далеко не всегда проходящие через сознание, тогда как у Гидденса понятие социальной практики необходимо включает сознание индивида, а, кроме того, практики в его концепции имеют явно более *институционализированный характер*. Поле в теории Бурдьё, несомненно, оказывает существеннейшее влияние на формы социальных институтов, которые возникают в его рамках, однако агент может быть включен в поле, не будучи при этом включенным в какой бы то ни было социальный институт. Гидденс же большее внимание обращает на социальные институты в строгом смысле слова, отмечая их «сконструированность» как и у Бурдьё, личность предстает перед нами как социальный конструктор.

Однако у Гидденса процесс формирования личности имеет значительно более осознанный, чем в теории Бурдьё, характер: личность представляется ему как самоорганизующаяся система, более того, как система, конструирующая сама себя. У Бурдьё общество как система складывается в процессе взаимодействия индивидуальных габитусов и социальных полей, определяемых принятыми в них правилами практики. У Гидденса формирование общества предстает как несколько более сложный процесс, ибо в него вовлечены другие социальные и психологические структуры. И сама *структурация общества* Гидденса прежде всего связана с сознанием индивида.

Существенное различие между теориями Бурдьё и Гидденса состоит в их трактовке современного общества. Для Бурдьё современность, судя по всему, вообще не представляется как этап развития социальных систем, в чем-нибудь отличный от других этапов. Гидденс пытается преодолеть распространенный в гуманитарных науках этноцентризм, который для Бурдьё, видимо, не является проблемой. Согласно Бурдьё, все базовые формы человеческого поведения являются общими для любых возможных культур, и именно эти формы и производные от них типы социальной структуры он и исследует, пытаясь подняться над национальными и культурными барьерами и построить свободную от них социологическую теорию. Гидденс вторит ему, утверждая,

¹⁵ Ковалев А. Д. Э. Гидденс: современный тип социологического теоретизирования // История теоретической социологии, с. 626 – 627.

что социальные действия, верования, мировоззренческие представления, структурно-функциональную организацию общества невозможно понять «вне того культурного целого, частью которого они являются».

Для Гидденса, основным объектом исследования является повседневность, рутина, те обыденные практики, которые формируют внутреннюю структуру социального агента у Бурдьё и Лумана. В основании социальной системы лежит некоторая практика, но у Лумана она имеет преимущественно коммуникативный характер, тогда как у Бурдьё и Гидденса – скорее практический, так как в этих концепциях существование общества определяется теми практиками, модусами социального бытия человека, которые распространены в данном социуме и, собственно, его конституируют.

Разница состоит в том, что для Бурдьё важной оказывается психология индивида. У Лумана индивид, психологическим ядром которого является понятие «Я» в действительности децентрирован, так как «Я» – не просто ментальный конструкт, не имеющий под собой никакого реального, онтологически определенного субстрата. Но и один из тех компонентов структуры личности, в которой в наибольшей степени проявляется воздействие социальной реальности, формирующей ее как таковую.

По Гидденсу, наличие классового сознания требует информированности индивидуального социального агента о структуре того общества, в которое он включен, то есть прозрачности этой структуры. Общим в концепциях Бурдьё и Гидденса является то, что социум структурируется благодаря различному доступу социальных агентов к тем или иным ресурсам – материальным, информационным, связанным с социальным статусом (престижем) и т. п.

Основное различие заключается в том, что в теории Гидденса более отчетливо прослеживается понимание общества как системы, во-первых, динамичной и изменчивой, а во-вторых, иерархически организованной. Ее существование процессуально: это система, постоянно структурирующая и реструктурирующая сама себя. У Бурдьё же социальные структуры выглядят все же более статичными. Они, несомненно, изменяются, но изменение их происходит скорее благодаря необходимости адаптации старых габитусов к новым социальным, прежде всего коммуникативным условиям, которые при этом сами являются в значительнейшей степени продуктом согласования внутренних габитуальных структур социальных агентов. Поле же образуется в его концепции, в частности, как результат деятельности по осуществлению некоторого социального консенсуса.

Понятие консенсуса играет исключительно важную роль в теории немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса, у которого сама социальность человеческой жизни есть результат активной и целенаправленной деятельности по взаимному согласованию и взаимному признанию. На этом базируется понимание Хабермасом понятия общественности, в отличие от введенного Бурдье понятия социального поля, которое существует как совершенно реальный объект и требует от агентов адаптации к нему. Понятие консенсуса у Хабермаса в значительно большей степени связано с сознательными ожиданиями агентов, касающимися поведения и, следовательно, мотиваций других агентов, входящих в ту же социальную систему, но является при этом неким состоянием, которое никогда не может быть достигнуто, хотя, несмотря на свою «необъективность», вполне реально в том смысле, что определяет сознательные действия индивидов, направленные прежде всего на обретение взаимопонимания. Фактически он выполняет проективную функцию, устанавливая общие цели, к которым должно стремиться данное общество для того, чтобы оставаться целостным. Близки к этому идеи Бурдье о неравенстве распределения капиталов в обществе и о формировании на этой основе двух крупнейших страт – доминирующих и доминируемых.

По Хабермасу, никакое общество без коммуникации невозможно. Собственно, нечто подобное мы можем наблюдать и у Лумана – с той разницей, что Луман больше сосредоточен на кибернетической интерпретации понятия коммуникации, тогда как Хабермас понимает ее скорее как сугубо социальный процесс, укорененный, в частности, в чисто психологических механизмах человеческой личности. Однако понятие консенсуса у Хабермаса и понятие социального поля у Бурдье все же далеко не тождественны.

Структуризация общества у Хабермаса в значительной мере ставится в зависимость от процедуры личностной, индивидуальной *саморефлексии*, которая в концепциях Бурдье, Гидденса, Лумана вовсе не является столь уж обязательным компонентом социальной жизни. В этих теориях социум организуется по мере функционирования и взаимной адаптации социальных практик (Бурдье), как коммуникативная система, в которой собственно индивиды играют лишь вспомогательную роль (Луман), как система «двойного соотношения» (Гидденс). У Хабермаса же речь идет об установлении и, более того, об *определении* индивидом своего места в социальном мире, то есть утверждается идея о мобильности индивида как о необходимом свойстве всякой вообще индивидуальности, что показывает глубоко модернистский характер его теории.

В самом деле, в теории Бурдьё отношения власти фактически являются источником структуриации общества. У Хабермаса, напротив, структуриация общества представляет собой процесс коммуникативный и, следовательно, определяемый проблемами морали. Если социум создается и поддерживается свободными и рационально действующими индивидами, над которыми нет иной власти, чем та, которую они сформировали и приняли сами. В связи с этим интересны соображения Хабермаса о социальном предназначении и функциях философии. В отличие от концепции Бурдьё, у которого философия в любом случае выступает как концептуальная и методологическая система, играющая апологетическую роль по отношению к существующим формам власти и социального порядка, у Хабермаса она выполняет, прежде всего, критические функции.

Таким образом, если в теории Бурдьё общественная система организуется, а общество структурируется посредством отношения к власти, основным элементом в которых будет неравенство и репрессивный характер социальных отношений, как его следствие. То у Хабермаса, общество представляется скорее как самоорганизующаяся система, в которой нет четких и устойчивых центров власти, а сами социальные отношения в своих специфических особенностях зависят от всех участников коммуникации, а не только от тех, кто обладает властью.

В Заключение подводятся итоги исследования, формулируются наиболее важные теоретико-методологические выводы диссертационной работы и определяются возможные направления дальнейшего исследования проблематики диссертации.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Лонев А.Л. «Габитус и социальное неравенство в теории П. Бурдьё». // Компаративный анализ общечеловеческого и национального в философии под редакцией д.ф.н., профессора А.С. Колесникова. СПб.: Роза мира, 2006. – 0,4 п.л.
2. Лонев А.Л. «Социальная структура и социум как система. Теории П. Бурдьё и Н. Лумана». // Компаративный анализ общечеловеческого и национального в философии под редакцией д.ф.н., профессора А.С. Колесникова. СПб.: Роза мира, 2006. – 0,4 п.л.
3. Лонев А.Л. «П. Бурдьё и социальные философы Запада». // Сборник научных статей из серии «Научные горизонты» под редакцией д.ф.н., профессора В.Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2006. – 2,9 п.л.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 220. Подписано в печать 07.07.2006 г. Бумага офсетная.
Формат 60х84¹/₁₆ Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 275-73-00, 275-53-92, тел. 970-35-70

